

Леянова З. С.

«Инструкторский»

ПОХОД

(из дневника 1971 года)

Собираемся в десятидневный поход по Приморскому краю, в Чугуевский район, к самой высокой вершине в южной части Сихоте-Алиня – горе Облачной, высота которой 1856 метров. В группе двадцать человек, в основном ребята с Дальзавода, опытные туристы. Поход этот – повышенной сложности и считается инструкторским.

Нас, не слишком опытных туристов, собираются ознакомить на практике со многими походными премудростями, чтобы мы потом могли самосто-ятельно водить людей в походы; конечно, не в такие сложные.

Группу возглавил Лев Шмыров, завхозом назначен Саня Шахбанов, а студентка мединститута Таня Базанова, само собой, признана походным лекарем.

28 апреля 1971 года.

В списке вещей, необходимых для похода, прочитала непонятное слово: «фопоры». Топоры? Фонари? Если топоры, то зачем их много? Оказалось – фонари.

Тане Базановой, Тане Антиловой и мне поручили купить копчёную колбасу. Продавец, молоденькая девушка, услышав, что нам надо двенадцать кило-

граммов, решила, что ослышалась, и отвесила двести граммов. Когда мы более чётко произнесли, сколько требуется взвесить, она заинтересовалась, зачем так много. Узнав про поход, удивилась, восхитилась и даже откровенно позавидовала нам.

Выйдя из магазина, мы тут же «сняли пробу»: съели колбасный довесочек. Понравился. Танюха Антилова достала из сумки целую палку колбасы и весело спросила:

- Может, этот довесочек съедим?

29 апреля

Около шести вечера отъехали от общежития на крытом грузовике. Кроме нашей группы, едут ещё восемь байдарочников со своим грузом и плавсред-ствами. Утолкались как селёдки в бочке. Ничего, в тесноте, да не в обиде. Все поют, травят анекдоты.

В два часа ночи байдарочники вышли, а мы поехали дальше. Завалились спать буквально штабелями: не разберёшь, где чьи руки, ноги. Паша Петрик долго не решался прилечь на мои колени.

30 апреля

В половине девятого высадились у Герасимова ключа. Разминались, умывались, отдыхали.

Во время завтрака Володя Мужиков помогал шофёру мыть машину и заметил:

- Такая уж доля: вам черпать из миски ложкой, а нам – из речки ведром.

С одиннадцати утра до четырёх дня прошли двадцать пять километров.

Одолели Берёзовый перевал. Таня Базанова назва-

ла его «Невестин лес». И точно, кругом белые стволы берёз. На тропе видели огрызок маленького кабанчика и остатки белки. Сразу вспомнилось: «Кто смел, тот и съел». Коряга одна очень похожа была на зайца, одно ухо «зайца» опущено, другое – торчит, лапы разведены в стороны.

Я нарушила походную заповедь: в пути не пить. Попила из речки и сразу ослабела. Хорошо, что Саня Стрельцов подцепил меня на буксир и тащил два перехода. Спасибо, Саня! Но мне-то как стыдно!

Вдали показались голубоватые горы, ближе – яркий жёлто-зелёный лес. И надо всем этим – светло-синее небо.

Увидели и гору Облачную, на которую запланировано восхождение. Её вершину окутали облака. Что-то не верится, что я смогу на неё взойти. Хотя бы восползти!..

Вечером каждому в кружку налили спирта. Непьющим объяснили, что выпить необходимо, чтобы снять усталость. От спирта меня потянуло на грустные песни.

В походе помогают лимоны. Съешь дольку с корочкой – силы восстановишь.

Спиртовые примочки хороши от ушибов.

1 мая

Разбудила Таня Антилова, она сегодня дежурная. Ну и язычок у неё! Откуда только берутся выражения: «Волосы без наркоза выдеру!», «Лев пещерный», «Кунявкать», «Не ревную, но зло берёт!» и прочие?

Наша демонстрация в тайге длилась дольше, чем во Владивостоке. Мы шли дремучим лесом, но шага-

ли под музыку (из транзисторного радио-приёмника).

Встретилось огромное старое дерево, обгорелое; ствол снизу раскололся, образовался вход внутрь, а там – сквозное отверстие до самого верха ствола. Дерево жутко скрипит, похоже на ворчание кабана.

Дошли до речки Ян-Муть-Хоу-За. А как перейти на ту сторону? Тани предложили надуть Костин матрас, завернуть девчонок в полиэтиленовые мешочки и переправить их на матрасе. Вовка Мужиков придумал лучше: влез в огромный пластиковый мешок и стал переходить вброд. Некоторые парни предлагали услуги «такси» – переносить девчонок на руках.

Ребята с топорами исчезли в лесу. В ожидании переправы девчонки начали «печь блины», то есть швырять в речку камушки. У Танюхи Антиловой очень ловко получалось: камни прыгали по воде раз по десять, некоторые допрыгивали до другого берега!

Вдруг вижу: огромное дерево валится поперёк реки. Вот вам и мост!

Очень скоро добрались до канатной переправы через реку. Переправа устроена интересно: можно переходить по нижнему канату, держась за верхний. А можно переехать на тележке, которая катится по канату. (Только пальцы береги, чтобы под колесо не попали! Я вот не успела руку отнять, а Витя Трошин поспешил толкнуть тележку, и результат печальный: колесо наехало мне на пальцы. Но ничего, кость цела, сухожилия – тоже.) Мальчишки, не поместившиеся в тележке,

цеплялись за неё и руками, и ногами. А некоторые, как настоящие канатоходцы, прошли по канату; при этом они отчаянно изгибались, чтобы не сорваться.

У костра заговорили о праздничном вечере. Саня Шахбанов размечтался о танцах после полуночи. Петрович (Таня Антилова) спрашивает у Лёвы Шмырова:

- Краковяк или танго будем танцевать?

А Лев отвечает:

- Что поймает, то и будем танцевать.

Интересные выражения услышала:

- Таня Базанова: «фуфайкины пуговицы», «штормовкины пуговицы»;

- Катя Петрова: «колется» (то есть смеётся);

- Вова Мужиков сообщил: «Ноль километров», – и пальцами изобразил ноль;

- Серёжа Брянцев спрашивает: «Халвы хочешь?» (Кто-то отвечает, что хочет). – «Нетю!» – радуется Серёжа;

- Интерпретация Вити Ваганова: «Пьяный, пьяный пташка лёг на провода» (так он исполняет песню «Синий, синий иней...»);

Володя Мужиков работает на Дальзаводе крановщиком. Изредка Володю вместе с краном посылают в бухту Диомид. Про такую командировку говорят: «Ходить в загранку».

Пришли на метеостанцию Березники. Живут здесь восемь человек. (Ближайший населённый пункт – село Светлое находится в двенадцати километрах отсюда).

Я зашла в один из домов попросить тазик для салата. Познакомилась с хозяйкой. Москвичка Оля

живёт здесь полгода, а надо прожить ещё три-четыре года, и только тогда можно вернуться в Москву. Оля числится поваром и кухонной рабочей, кормит мужа и себя. Она сказала, что здесь жить ещё можно, а вот до этого они жили на метеостанции где-то на высоте, так туда можно было добраться только на вертолёте (полтора часа лететь до ближайшего населённого пункта). Там на метеоплощадку без карабина не выйдешь: зверей много, даже тигры появлялись.

Метеорологи были нам очень рады и смотрели на нас, как на диовинку.

Пировали вместе.

Вечером пошёл снег, и мы принялись водить хоровод вокруг ёлки на поляне.

Саня Шахбанов затеял КВН. Одна команда назвалась «Ёлочкой», а наша – «Голый пуп». Когда потребовалась песня, те запели про ёлочку, а мы все встали на одно колено, обнажили головы и запели «Интернационал» с переделанными словами. Много ещё дурачились, плясали до второго дыхания, бросили судью в ёлку, а Костю Чащина качали на руках. Много пели у костра. У ребят

ещё не спало «буйство», им хотелось шуметь, кричать, поэтому и песни выбирали разудалые. А мы, девчонки, уже подвыдохлись, нам хотелось чего-нибудь негромкого, душевного. Когда запела Таня Антилова, постепенно большинство подсело поближе к нам и затихли, слушая её чудный голос.

Завтра нам предстоит восхождение на Облачную. От лагеря до горы примерно восемь километров. Необходимо уложиться в световой день.

И Лев объявил довольно жёсткое условие: кто не ляжет спать до двенадцати часов ночи, того завтра оставят в лагере. Мы послушно забрались в палатки.

Но сам же Лев (а мы с ним в одной палатке поселились) не мог долго успокоиться, смешил нас. Да и мы, девчонки, устроили выбор кандидатки на звание «любимая львица», хохотали долго.

2 мая

За ночь снегу навалило ещё больше. Зима вернулась!

Встали рано. Но с выходом замешкались. Всю дорогу до Облачной ребята шли очень быстро. Чтобы не отставать, девчонкам пришлось бежать.

Пока шли лесом, я часто спотыкалась о пни и коряги, укрытые снегом, сбила ноги.

Потом начался подъём по Сухой речке. Дальше – всё круче, всё больше снегу и льда.

А сил оставалось всё меньше. Я понимала, что не посмею попросить помощи у товарищей, они ведь тоже порядком уже обессилели.

Первыми прекратили восхождение Володя Мужиков, Саня Новохацкий и Витя Трошин. Им было поручено развести костёр у подножья горы и согреть чай.

Ползу вверх как придётся: и на четвереньках, и на пузе. Сердце колотится в глотке, силы на исходе. Но попросить кого-нибудь подтянуть меня наверх не могу, считаю это недопустимым. Возмущаюсь таким неправильным, на мой взгляд, восхождением, где каждый – сам по себе.

Оглянулась. Вижу, Петровича отправили вниз. Не

заметила, как Таня Базанова тоже начала спускаться.

Сил уже совсем нет, а подъём стал совсем крутой, почти вертикальный, и скользкий – сплошной лёд. Ме-

ня мутит. Руки ооченели. Спросила у кого-то впереди, далеко ли до вершины? Отвечают, что до перевала осталось немного, но дальше пойдёт скала, и будет ещё тяжелее. Чувствую, что без посторонней помощи даже на метр выше не поднимусь.

Пришлось возвращаться. Следом за мной верну-лась Катя. Мы где на пятой точке, где как доехали до наших внизу. Вовка (умница!) сразу же снял с нас носки, растёр ноги. Напоил горячим чаем. Саша отдал свою фуфайку, чтобы мы в неё ноги завернули. Спасибо, мальчики, за ваше внимание!

Не успели мы обсохнуть, как вернулись наши покорители вершин. Победили! Взяли высоту.

Среди покоривших Облачную были две девчонки: Наташа Дубовик, с виду очень хрупкая, и Надя Сединкина, немного постарше и на вид покрепче Наташи. Молодцы!!! Только смотреть на них было больно: озябли и измучились они больше нашего.

Оставив победителей греться у костра, мы, «передовой отряд», отправились в лагерь, чтобы приготовить ужин.

Случилось так, что девчата остановились по естественной надобности (совсем ненадолго!), а ребята за разговорами и не заметили потери. Ну, пока мы шли по снегу, видели их следы и не волновались ни о чём. Но в низине потеплело, снег растаял. Тропа еле заметна; начали мы с неё сбиваться. Откровенно заблудились, ведь не знаем, куда идти.

Вышли на голоса ребят, тех, что позже нас отпра-

вились в лагерь. Ребята объяснили, что в тайге тропу надо отыскивать по зарубкам на деревьях.

А как они выглядят? Паша Петрик показал одну.

Мы оценили свою дремучесть. Мы ведь видели такую же зарубку, но не поняли, что это ориентир! Ещё поворчали на неведомого хулигана, испортив-шего дерево. А потом собрали с неё вытекшую смолу и жевали, чтобы зубы побелели.

Познакомившись с зарубкой, другие мы уже сами находили без труда. Делают их на уровне глаз. И, правда, по ним, как по указателям, можно смело идти по тайге, с пути не собьёшься.

Начало темнеть, но мы уверенно шагали к лагерю. Кончилась тайга, начался берёзовый лес с полянами, повеяло домом.

В темноте вышли к метеостанции. Собачий лай показался божественной музыкой.

В лагерь мы пришли почти последними. Народ, усталый, голодный, мокрый, жался к костру.

Не знаю, чего больше хотелось: есть или спать. Однако после ужина спать уже расхотелось. Позаписывали с Таней Антиловой песни. Счастье-то какое, теперь буду их знать!

Только вот беда на мою голову, вернее на ноги: сбила пальцы! От боли даже спать не могу. Как же ходить-то? Впереди ещё столько переходов!

3 мая

Проснулась от боли в ногах. Настроение не на высоте: боюсь стать обузой.

Не спеша прошли восемь километров до зимовья на реке Муте.

Зимовье стоит на берегу. Сразу видно, что до нас в этой избушке побывали добрые люди. Над входом выжжены слова: «Мир входящему»; на двери изображён мамонт. В домике есть всё необходимое для путников: печка, стол, лавки, нары человек на десять. В зимовье прибрано. Подвешены под потолок мешочки с макаронами и картошкой. На многоэтажной полке лампа керосиновая и стекло для лампы, спички, чай, перец. На стене приколочена подставка для светильника, да не простая, а в виде лукавого морячка. Сразу хочется улыбнуться ему в ответ.

У нас закончился хлеб. Пришлось переходить на лепёшки. Вова Мужиков, Петрович и я вызвались добровольцами в пекари. Мне прежде не приходилось заниматься стряпнёй, решила быть на подхвате у товарищей – ведь когда-то надо учиться такому важному делу. Справились! По закону одну лепёшку разрешается пекарям попробовать. Мы разделили её между всеми, кто в это время находился в зимовье. И решили испробовать ещё одну, более поздней выпечки. Только Таня взяла её, как кто-то заметил приближающегося завхоза. И вот тут-то всё произо-шло так быстро, что я ничего не поняла. Таня спрятала лепёшку за спину, а Саня-завхоз заглянул, что она там прячет, но ничего не обнаружил. Оказалось, что Вовка успел перехватить злосчастную лепёху и зажал её между ног. Сел как ни в чём не бывало на нары и позвал к себе Танюху. Я смотрю на них и удивляюсь, над чем они так хохочут, что упали на нары, а Вовка даже ноги задрал. А это они, черти, следы замели – срочно незаметно съели лепёшку. Молодцы! А то

схлопотали бы кедом по пятой точке.

Завхоз предложил напечь чебуреков с молодой крапивой. Сказано – сделано!

После обедо-ужина почти все разместились в зимовье. Кто в карты в «Кинга» режется, кто в шашки играет. Уже темно стало, зажгли фонарики и свечи. По второму заходу пекут лепёшки Витя Трошин, Катя и Сережа Брянцев. Витя, как заправская хозяйка, возится за столом с тестом. А мы, будто его дети, орава целая, ждём угощения. Ждём, хотя в животе не очень-то хорошо от завхозовских крапивных «чебуреков».

Спать разместились в два яруса: на нарах и под ними, на полу. Жарко, душно! Кто храпит, кто кашля-ет. Мне аж приснилось, будто меня волки грызут. Попыталась перелечь головой в другую сторону, но всё равно казалось, что нахожусь в душегубке.

(Наутро Вова Мужиков сообщил, что спал под Таней Базановой и для страховки накрылся полиэтиле-новым мешком).

4 мая

Перед уходом прибрались в зимовье, сложили пару охапок дров около печки, добавили в мешочки под потолком продуктов, оставили на полке соль в пакетике и несколько коробков спичек. Простились с таёжным приютом.

В девять часов отправились в путь. Нам предстояло одолеть семь километров по болоту и восемнадцать – за перевалом.

Спуск с перевала довольно крутой. Как красиво летел рюкзак Мужикова! Словно живой, перепрыги-

вал через поваленные деревья.

Сегодня по-человечески отдохали, впервые был обед днём. После обеда нас, девчонок, ребята пустили вперёд, а сами остались «заливать костёр». Мы расхохотались, мол, мы и сами смогли бы его залить.

Идти намного легче. Да и природа помогала нам. Кругом сопки, скалы – такая красотища, что хочется смеяться от радости. Ущелье Ванчина очень живопис-ное, в любом месте можно становиться лагерем.

Мы прошли около двадцати бродов. Вода прозрачная, местами изумрудная. Таня Антилова нечаянно растянулась в речке на спину, а нам весело, ведь холода от воды не чувствуем.

Вовка Мужиков, Саша Новохацкий и Саша Стрельцов переправу наводили. Оба Саши бревно перебрасывали поперёк реки, а Вовка бегал сзади них, громко кряхтел и подталкивал ребят под рюкзаки.

В другой раз ребята накидали камней через реку. Новохацкий пошёл первым и сорвался. Остальные переходили брод рядом с «переправой».

Один брод Вовка одолел, скача на одной ножке, объясняя при этом: «Чтобы хоть одна нога сухой осталась!». А течение сильное, камни в воде скользкие, рюкзак за спиной тяжёлый! Это ведь надо суметь! А Вовка ещё и смешил нас!

Ближе к водопадам увидели розовые сопки – это расцвёл багульник. Здесь уже цветут жёлтые анютины глазки, подснежники – жёлтые, белые, голубые. Саня-завхоз угостил черемшой. Так вот она какая! Я только слышала о ней, а пробую впервые.

Увидели с Петровичем мышку в лесу, но поняли, кто это, только когда она заскочила в норку. Тогда, с

запозданием, взвизгнули:

- А-а-а, мыша!

От усталости и боли в ногах плетусь уже еле-еле. Через поваленные деревья переваливаюсь сидя. Но когда дошли до водопадов, когда я услышала их грохот, увидела жутковатую игру воды и камня, от моей усталости и следа не осталось.

Однако сразу же после ужина отправилась спать.

5 мая

Сегодня дежурю вместе с Юрой Щербаковым и Славой Мавлютовым. Кулинарию они мне не доверяют и используют меня в качестве посудомойки. Я и этим довольна, учитывая, что ребята готовят хорошо.

Интересно смотреть, как утром народ из палаток выбирается. Сначала палатка ходуном ходит, потом из неё появляется кто-нибудь лохматый, опухший и, шатаясь, сразу бредёт в лес.

Заметила интересную особенность: у ребят миски небольшие, причём, чем больше парень, тем миска меньше; зато у девчонок не миски, а настоящие тазики!

Утром у костра Вова Мужиков начал рассказы-вать про то, что здесь водятся тигры.

- Иду, а он на том берегу...

- Оправляется, – съязвил Слава Мавлютов, – бумажки попросил.

- А я с испугу помял её и бросил ему, – отпарировал Вова.

Днём лазили по скалам. Красотища! «Где-то багульник на сопках цветёт...». И сколько его! Далеко внизу шумит река. С двух сторон взметнулись висо-

ченные крутые сопки. Скалы красивые и жуткие. К краю их подползаешь, чтобы заглянуть вниз, и всё внутри сжимается: боишься свалиться с этой кручи.

Лезла на сопку, услышала шорох листьев. Замерла. Присмотрелась. А под камнем, как под крышей, сидит кто-то. Мордочка серая, круглые ушки на макушке торчат в стороны, косит на меня одним глазом. Завертел головой. И заметно стало, что шерстка на голове и на спине каштанового цвета. Вдруг этот «кто-то» юркнул в дырку под камнем и был таков!

Серёжа поймал ящерицу кофейного цвета, с белым узором. Она извивалась в пальцах, высовывала чёрный раздвоенный язык. Я погладила её, на ощупь ящерица как змея. Подоспел Лёвчик с кинокамерой, попросил пустить ящерицу вверх по скале. Серёжа положил ящерицу на камень, а она, видно, ошалела от страха, не двинулась с места. Палочкой тронули ей хвост. Ящерка чуть-чуть пробежала и замерла. Кто-то приказал: «Но, пошла!», кто-то загавкал, кто-то снова палочкой хвост задел. Она опять немножко пробежала и остановилась. Вот до чего перепугалась!

У ребят с собой ружьё взято. Что ж его так-то таскать? Прострелили на лету Пашину кепку. Решили осчастливить и шляпу Вити Ваганова. Прицепили её на пень и стали вызывать девчонок стрелять. Я целилась, целилась, а потом закрыла глаза и выстрелила. И надо же, попала!

На Ванчине местами попадает лёд метровой толщины. Он тает. И кое-где на реке образовались тихие заводи. В одной из таких заводей собралось очень много лягушек.

Наш доктор, Таня Базанова, решила помочь лягушке, у которой вздулся бок и парализовало заднюю лапку. Таня проткнула у лягушки волдырь, выпустила скопившуюся в нём жидкость. И лягушка ожила, заработала всеми четырьмя лапками! Но вскоре отдала концы.

Там, где Ванчин зажат огромным каменным выступом, образовался водопад. Вода несётся с бешеной скоростью, падает в глубокую чашу и из неё вытекает уже более спокойно.

Вовка Мужиков бросил в водопад здоровенный чурбан.

Ух, ты! Чурбан разлетелся в щепки!

Над водопадом, в самом узком месте, переброшены на другой берег два брёвнышка – «мост любви». Как переходить? Ведь нервы не выдержат! Вижу, Вовка сел верхом на эти брёвнышки и переехал на ту сторону. А Саня Стрельцов просто перешёл, как по обычному мосту. Остальные последовали его примеру.

Встали лагерем на берегу реки.

Любуюсь водопадом. Удивляет цвет воды в чаше: зелёный-зелёный! Это, очевидно, от глубины чаши (метров восемь!). Случайно нашла монету в кармане штормовки и бросила её в зелёную воду. Может, и правда, когда-нибудь ещё побываю в этих краях.

А вечером у костра слушала песни. Если буду их знать, стану счастливейшим человеком.

6 мая

С утра ходили смотреть на другой водопад на Ванчине. Вода падает метров с двенадцати. Красота!

День выдался пасмурный, ветреный, словом, «палаточный». Мы с Таней Антиловой читали вслух повесть «А зори здесь тихие» Бориса Васильева, напечатанную в журнале «Юность». Слушателей набилось до отказа, некоторые могли только голову просунуть в нашу палатку. Костя с Наташей затихли в обнимку, Лёвчик взволнованно комментировал события повести, Саня-завхоз замер у входа палатки, остальные тоже слушали очень внимательно.

Выманить нас из палатки под силу только божественным звукам ударов ложки о миску. Это призыв к еде!

Перед ужином Лев объявил о пропаже банки тушёнки. У меня испортилось настроение. И чувствую, что не у меня одной. Может быть, завхоз обсчитался? Может быть, потеряли эту несчастную банку? Но взять её не мог никто, в этом я уверена. Однако выяснилось, что в зимовье исчезли две банки сгущёнки. Час от часу не легче! Я снова надеюсь, что это ошибка.

Лев считается «директором похода». Старается, чтобы всё было хорошо и правильно. Но за 2 мая мне просто обидно. Так плохо было организовано наше восхождение, как будто специально выискивали слабаков. Ну, пусть нельзя было сделать привал (замёрзли бы вконец), но хотя бы на ходу пожевать «сухой паёк», или подкрепиться куском сахара – разве это табу? Всем бы легче было! Никакой подстраховки, никакой связки, даже никакой дружеской руки! Обидно, что до вершины-то не дошли всего ничего!.. А случай с зарубками? Считаю, что наш поход можно назвать инструкторским только в кавычках.

Вечером Таня Антилова вышила флаг. Завтра его укрепят на скале, где будет заложена банка с запиской, в которой указан весь наш маршрут, сроки похода и состав участников. И каждый из нас расписался в этой записке.

Список участников похода:

1. Антилова Таня
2. Базанова Таня
3. Брянцев Серёжа
4. Ваганов Витя
5. Дубовик Наташа
6. Лыкова Зина
7. Мавлютов Слава
8. Махов Коля
9. Мужиков Вова
10. Новохацкий Саша
11. Петрик Паша
12. Петрова Катя

13. Сединкина Надя
14. Стрельцов Саша
15. Трошин Витя
16. Харченко Вадим
17. Чащин Костя
18. Шахбанов Саша
19. Шмыров Лёва
20. Щербаков Юра

7 мая

После завтрака свернули лагерь. Надо продолжать маршрут. А уходить отсюда, от такой красоты не хочется!

От Ванчина повернули к реке Чинчин. Переходи-ли её вброд. Поскольку это был единственный и последний брод сегодня, решили разуться, чтобы обувь не мочить. Когда разулись все, у наших мальчиков проснулись джентльменские чувства: девчонок переправили на закукрах. А Вовка Мужиков

переезжал на Лёвчике, при этом ещё кряхтел и повизгивал.

На том берегу стояло зимовье, полуразрушенное и всё исписанное. Мы тоже расписались на стенке.

Обедали на старой заброшенной пасеке. Пока кипятился чай, мы впятером отлёживались на чердаке избушки. Я, словно укротитель, лежала на и поперёк Таней, Вовы Мужикова и Юры Щербакова – тепло и мягко!

Пошли дальше. Опять река. Пришлось делать переправу. Ребята рубили дерево, а оно возьми да и свалилось, только не поперёк реки, а вдоль. Пришлось Сане Стрельцову лезть в воду и разворачивать бревно в нужном направлении. Да вдобавок Саня ещё около другого берега, стоя в воде, принимал нас, девчонок, чтобы не свалились с мокрого бревна.

Что бы мы делали без вас, ребята? Вы так деликатно помогаете преодолевать препятствия, что мы как-то и не чувствуем собственной неумелости.

Прошли шесть километров и встали лагерем у подножья перевала, рядом с ручьём. Завтра одолеем перевал, спустимся к селу Сокольчи и будем ждать машину, которая отвезёт нас во Владивосток.

Во время приготовления ужина произошло что-то непонятное. С чего-то Саня-завхоз принялся помогать дежурным, захотел для гречневой каши сделать под-

ливу с томатной пастой, но тут мнения советчиков разошлись: одни одобряли такую подливу, другим она казалась бурдой. Саня всплился и целую сковородку растопленного сала выплеснул на землю.

За такое безобразие положено кедом бить. Раз взялся готовить по-своему, так не слушай никого, го-

товь, как хочешь.

Громче всех ругался Слава Мавлютов, матерился даже.

Конечно, Саня не прав, но так зло и обидно ругать его не следовало. Уж лучше бы без лишних слов врезали ему кедом, сколько положено.

Саня ещё больше рассердился, обиделся на всех и отказался от ужина.

Опять глупость! Но здесь уж ничем не проймёшь, пока человек не остынет.

А всё же горячиться с общественным продуктом не стоит. Так же не стоит и хвалить себя как повара, даже в шутку. Иначе хвастуна могут оставить дежу-рить и второй день подряд.

Вечер был холодный. Ребята жались к костру, словно цыплятки к наседке. Сгрудились так тесно, что показалось, будто их мало, и я со страхом пересчитала всех. Слава богу, двадцать!

8 мая

А перевалом-то Лёвчик нас больше пугал. Я уж приготовилась к тому, что было, когда мы лезли на Облачную, а вышло всё гораздо легче. Зато на спуске пробирались через такой густой лес, что только успевай крутить телом, чтобы протащить рюкзак меж деревьев.

Сделали привал. Пора пообедать.

Солнце светит. Хорошо! Мы с девочками нашли укромное местечко и устроили женский пляж. Таня Базанова читала нам стихи Павла Васильева. Я случайно взглянула на сопку и обмерла: Лёвчик нацеливается на нас кинокамерой. Срочно прикрыли чересчур обнажённые места. (Позже Лёвчик станет оправдываться, что он-де трактора в поле снимал; что, мол, очень красиво смотрелось поле, окружённое сопками, три трактора на нём и три первые борозды).

Потом шли полем. Витя-шляпа (Ваганов) расска-зывал, что его «прапрадедушка учил немецкому языку саму княгиню Воровскую». А потом, заметив вдали трактор, отчеканил:

Всюду у нас ручной труд:

Нажал на кнопку – взял лопату,

Нажал на кнопку – наложил,

Нажал на кнопку – взял носилки,

Нажал на кнопку – потащил.

Вовка Мужиков объявил конкурс на лучшие ласкательные производные мужского и женского рода от слова «сволочь». Ну, пока так: мужской род – сволочок; женский род – сволочушка.

На поле увидели двух погибших под тракторными гусеницами змей: одна – маленькая, серебристая; другая – большая (говорят, что это гадюка). Костя и Серёжа распотрошили гадюку. У неё есть и рёбрышки! Она очень жирная. Супец бы из неё сварить!

Лагерем встали около пасеки. До Сокольчей осталось шесть километров. (У Лёвчика стандартные расстояния).

Мальчишки ходили в деревню за хлебом. Какой же он вкусный и сытный, не то что наши лепёхи! Правда, наши гонцы (Саня Стрельцов, Саня-голопулик (Новохацкий), Саня-завхоз и Вова Мужиков) вернулись выпившими. За это им грозит наказание кедами.

Как же провинившиеся искали себе адвокатов! Вовка чего только не обещал Тане Антиловой! Угощал нас конфетами «параманду»...

После ужина некоторых потянуло к цивилизации, и они потопали в Сокольчи.

А мы, девять человек: Костя Чащин с Наташей, Серёжа Брянцев с Катей, Надя Сединкина (Серёжа прозвал её Щетинкиной), Паша Петрик, Юра Щербаков, Таня Антилова и я, сидели у костра. Пили чай, заваренный сотами с мёдом. Пели. На небе светила огромная Луна, было очень светло. Я смотрела на милые лица и чувствовала, что не хочу расставаться с этими людьми. Когда ещё вместе в поход пойдём? Хорошо, что во вторник соберёмся в ресторане «Зеркальный».

Постепенно у костра остались только мы с Таней и Юра. Нас настораживали шорохи на сопке и за речкой: там, в лесу, шла своя жизнь. Но мы всё равно пели.

Наши «цивилизованные» посмотрели фильм «Освобождение» и вернулись в лагерь на машине – на той, что повезёт нас завтра во Владивосток.

9 мая

После завтрака состоялась «казнь» над вчерашними провинившимися. Палачом назначили Славу

Мавлютова, прокурором – Лёвчика.

Сане-голопупику присудили всего два удара кедом – за чистосердечное признание и за то, что он вчера сразу же скрылся в палатке.

Вовке Мужикову и Сане Стрельцову – по три.

А Сане-завхозу – целых шесть!

Под штанами у завхоза прошупали тетрадку. За это ему усилили наказание: кед заменили ботинком.

Ребята мужественно перенесли пытку.

Потом, когда мы уже ехали на машине, парни показали свою «переправу» – груды бутылок на берегу речки.

Покуда доехали до асфальтового шоссе, пропылились насквозь. На наших лицах толстенный слой пыли; до одежды нельзя дотронуться – сразу все зачихают. Вовка Мужиков сидел у заднего борта,

и ему пыли доставалось больше всех. Так он додумался повязать на голову марлю и закрыть ею лицо. Вовку окрестили «бендуином».

Эх, как мы пели! Когда запели «Катюшу», Вовка невпопад «эхал». Таня договорилась с ним, что будет толкать его под локоть один раз, когда надо «эхнуть», и два раза – когда продолжать петь. Получалось нормально. Когда устали петь и ехали уже молча, Таня нечаянно ткнула Вовку в бок.

- Эх! - рывкнул Мужиков и даже подскочил.

Ну, и хохотали же мы!

Приехали в село Лазо. Здесь Лёвчику надо было сделать отметку в маршрутном листе. Мы выбрались из машины. Вовка так и не снимал «пыльника», только слегка загнул его кверху, высвободив рот и щетину на подбородке. Местная ребятня окружила

«бендуина», засыпала многочисленными вопросами. А Вовка отвечал с достоинством, серьёзно, как бывалый путешественник.

В деревне Сергеевке видели, как пьяный мужик вёл лошадь. Лошадь шла прямо, как по струночке, а мужик такие синусоиды выписывал!..

А ещё видели, как два селезня гоняли толстенную утку. Она, бедняга, спасаясь от насильников, даже пыталась летать, да только всё равно не спаслась.

Когда въезжали во Владивосток, Витя Ваганов поприветствовал своей шляпой ростральную колонну. Шляпа вырвалась из руки и долго катилась за машиной. Над Витей шутили:

- Приедешь в общежитие, а твоя шляпа у крыльца тебя дожидается.

На Второй речке вышел Паша Петрик. Милый, смешной «божий» человечек, такой непосредственный, стеснительный. И вот этот Паша слез с машины. Во рту у него кусок хлеба. В руках – рюкзак, штормовка, фотоаппарат. Всё это он сразу пытается надеть на себя, чтобы не класть на мокрую землю (дождь поливает). Всё у него валится, и он, как в цирке, помогает себе и руками, и ногами.

Да, пора расставаться. До встречи в ресторане «Зеркальном»!

P.S. А во вторник встретились и не узнавали друг друга: все такие нарядные, подстриженные, причёсан-ные, словом, симпатичные!

P.P.S. После похода состоялись три свадьбы.

Создали семьи: Костя Чащин и Наташа Дубовик, Серёжа Брянцев и Катя Петрова, Саша Стрельцов и Надя Сединкина.

Совет вам и любовь, дорогие ребята!